

Дьяченко Е.Б. Формирование концепции евразийского интеграционного правового порядка в отечественной юриспруденции // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 217-237. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_217

УДК 341.1/8

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_217

Формирование концепции евразийского интеграционного правового порядка в отечественной юриспруденции

Екатерина Борисовна Дьяченко

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: dyachenkoeb@gmail.com

*Поступила в редакцию 13.03.2025, поступила после рецензирования 21.03.2025,
принята к публикации 24.03.2025*

Идея формирования интеграционного объединения на постсоветском пространстве насчитывает уже более трех десятилетий. Первый международный договор в данной сфере – Соглашение о создании СНГ – был подписан 8 декабря 1991 г. За прошедшие с указанной даты годы представления о необходимости «интеграционного строительства» то набирали силу и формализовывались в заключении международных договоров, то угасали, оставляя многие нормы существующими лишь на бумаге. Применение ретроспективного метода позволяет заключить, что каждый новый этап развития межгосударственного взаимодействия на евразийском пространстве обусловлен внешними вызовами. В конце 2010-х гг. интеграционному проекту был придан новый импульс, который выразился в заключении в 2014 г. Договора о Евразийском экономическом союзе. Несмотря на то, что в 2024 г. данный Договор отметил свой десятилетний юбилей, в отечественной науке не сформировалось самостоятельного научного направления, посвященного исследованию интеграционных процессов. Применение метода индукции показывает, что интеграция анализируется исключительно в экономическом аспекте, хотя с позиции правовой науки требуется разработка представлений именно о правовой интеграции, которая, хотя и связана с экономической, но не равнозначна ей. Проблемный момент заключается и в том, что евразийская интеграция исследуется сугубо «механистически», в разрезе отдельных отраслей права, регулирование которых передано на уровень интеграционного объединения, а также в свете деятельности его институтов. Наука международного права сосредоточена на изучении права интеграционных объединений в его компаративистской составляющей, а не на анализе права ЕАЭС. Имеет место недостаточное изучение ценностной основы евразийской интеграции. Выявление и восполнение указанных пробелов имеет не только теоретическое, но и практическое

© Дьяченко Е.Б., 2025

значение, поскольку способно оказать влияние на формирование представления о феномене права ЕАЭС, заложить основы для доктринального изучения его правового порядка, повлиять на толкование и применение права данного интеграционного объединения его институтами и органами государств-членов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; СНГ; интеграция; ценности; внутренний рынок

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Establishing the Concept of Eurasian Integration Legal Order in Russian Jurisprudence

Ekaterina B. Dyachenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: dyachenkoeb@gmail.com

Received 13.03.2025, revised 21.03.2025, accepted 24.03.2025

Abstract. The idea of forming an integration association in the post-Soviet space has been in development for more than three decades. The first significant step in this direction was the signing of the Agreement on the Establishment of the Commonwealth of Independent States on December 8, 1991. Since then, concepts surrounding “integration building” have fluctuated, leading to the conclusion of various international treaties, yet many norms remain unimplemented and only exist on paper. Employing a retrospective method reveals that each new phase of interstate cooperation in the Eurasian space has been driven by external challenges. In the late 2010s, a renewed impetus for integration emerged, culminating in the signing of the Treaty on the Eurasian Economic Union in 2014. Despite this treaty having reached its 10th anniversary in 2024, Russian academia is still lacking an independent scientific field dedicated to studying integration processes. An inductive approach shows that integration is primarily analyzed from an economic perspective; however, legal scholarship must also develop concepts related to legal integration, which, while connected to economic aspects, are not synonymous with them. Moreover, current studies tend to examine Eurasian integration in a “mechanical” manner, focusing on the individual branches of law that have been transferred to the level of the integration association and its institutions. The science of international law often emphasizes comparative studies of integration association law, rather than analyzing Eurasian Economic Union legal order specifically. Additionally, there is a lack of exploration into the value foundations of Eurasian Integration. Addressing these gaps holds significant theoretical and practical importance, as it can shape understanding of Eurasian Economic Union, establish a doctrinal basis for its rule of law, and influence how member states’ institutions interpret and apply this body of law.

Keywords: Eurasian Economic Union; Commonwealth of Independent States; integration; values; internal market

Acknowledgments: The research was conducted as part of the scientific project titled “Creating a Russian Historiographic Model of Political and Legal Knowledge and Its Application to Develop Promising Means of Countering Ideological Distortions of Russia's Civilizational Development”. This project received financial support from the Russian Ministry of Education and Science (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Dyachenko E.B. Establishing the Concept of Eurasian Integration Legal Order in Russian Jurisprudence, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 217-237. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_217

Введение

Отличительной чертой интеграционных объединений является формирование в рамках каждого из них собственного правопорядка, отличного от международного права. Особенностью таких правопорядков зачастую выступает не только и не столько обособление от международного права, продолжающего во многих случаях оказывать на них существенное влияние, сколько формирование отличительных свойств, определяющих их взаимоотношения с национальными правопорядками, – верховенства права интеграционного объединения и его прямого действия.

Развитие интеграционного правопорядка – это всегда длительный и непростой путь, а его начало – часто реакция на фундаментальные внешние вызовы. Не является исключением и межгосударственное взаимодействие на постсоветском пространстве, начавшееся с создания Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) и получившее продолжение в форме интеграционных объединений Таможенного союза и Единого экономического пространства (далее – ЕЭП), а затем и Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз). Данный период охарактеризовался заключением значительного числа международных договоров с различной судьбой: положения одних никогда не были реализованы, в то время как нормы других стали основой для функционирования международной организации региональной экономической интеграции в формате ЕАЭС.

Договор о Евразийском экономическом союзе¹ (далее – Договор о ЕАЭС, Договор о Союзе) и принятые в его развитие международные договоры в рамках Союза, а также акты вторичного права сформировали евразийский интеграционный правопорядок – уникальный феномен, заслуживающий пристального внимания представителей отечественного правоправедения. К сожалению, до настоящего времени в ней не сформировано отдельное направление, которое бы занималось проблематикой права ЕАЭС; право Союза исследуется в общем контексте интеграционных объединений. Представляется, что подобное положение вещей подлежит изменению – в рамках ЕАЭС накоплена достаточная правоприменительная (в том числе судебная) практика, которая позволяет анализировать право Союза в качестве отдельного правового явления, бесспорно, с привлечением метода компаративизма, но не ограниваясь лишь им.

¹ Датирован 29 мая 2014 г.

Одним из элементов, на наш взгляд, ослабляющих развитие науки права ЕАЭС, является неразработанность общих подходов к пониманию интеграции в ее правовом, в отличие от экономического, аспекте. Думается, что формирование научного знания о праве ЕАЭС должно происходить с учетом анализа его ценностной основы, в том числе.

Исследование перечисленных проблем представляет предмет данной статьи, который автор стремится изучить сквозь призму анализа подходов отечественной правовой доктрины к интеграции на пространстве, образовавшемся после распада СССР, а также разработки понятия «правовая интеграция» с его отграничением от «экономической интеграции».

От СНГ к ЕАЭС

Идея построения новых взаимосвязей, кооперации независимых государств на пространстве Евразии насчитывает уже более трех десятилетий – Соглашение о создании Содружества Независимых Государств было подписано 8 декабря 1991 г. и стало документом, заложившим фундамент новой реальности, в которой экономический вектор вышел на первый план. Одновременно с формированием нового объединения в указанном международном договоре констатируется прекращение существования Союза ССР как субъекта международного права и геополитической реальности. Иные же аспекты Соглашения носят исключительно декларативный характер и лишь точно намечают цели будущего взаимодействия. Это позволяет согласиться с высказываемым российскими правоведом мнением о том, что новое межгосударственное образование не связано с началом интеграционного строительства на постсоветском пространстве, поскольку оно имело обратные цели – ликвидацию СССР, став своего рода «площадкой для развода» бывших советских республик, «элементом стремительной дезинтеграции государств» (Каширкина, Морозов 2015). Закономерно, что СНГ никогда не имело созидательного потенциала для экономической интеграции республик бывшего Советского Союза (Гинзбург 2013).

Подлинно интеграционный вектор развития связан с подписанием в 1993–1994 гг. Договора о создании Экономического союза² и Соглашения стран СНГ о создании зоны свободной торговли³. Их ключевой задачей являлось поступательное движение от зоны свободной торговли к валютному союзу через этапы таможенного союза и общего рынка (подробнее см.: Дьяченко 2015).

Содержание названных актов весьма наглядно демонстрирует, что их принятие стало неизбежной реакцией на исторические процессы: распад СССР, разрушение существующих хозяйственных связей и, как следствие, необходимость обеспечить жизнеспособность экономик. Во многом по этой причине первые международные договоры, ставшие прообразом интеграции на евразийском пространстве, не ставили перед собой никаких политических целей, а были направлены исключительно на решение таких прикладных вопросов, как взимание налогов и пошлин, свобода транзита

² Датируется 24 сентября 1993 г.

³ Датируется 15 апреля 1994 г.

и другие. Неслучайно в статье 1 Устава СНГ особо подчеркивается, что Содружество не обладает наднациональными полномочиями (Дьяченко 2015: 140).

Обращение к международному опыту показывает, что движение в направлении интеграционного развития всегда является ответом на серьезные, а порой и переломные исторические события.

Так, образование Европейского объединения угля и стали (далее – ЕОУС), предшественника Европейского союза (далее – ЕС), стало реакцией на завершившуюся Вторую мировую войну и недопустимость ее повторения, для чего был произведен трансфер суверенных прав по контролю за производством угля и стали от самостоятельных государств к их объединению, наделенному наднациональными полномочиями в соответствующих сферах (Энтин Л., Энтин М. 2018: 22–25). Вторым ориентиром при создании данного объединения следует считать восстановление разрушенных войной экономических связей и создание новых – идея, которая восходит еще к Конвенции 1948 года, учредившей Организацию европейского экономического сотрудничества и, по сути, давшей старт процессам интеграции на европейском континенте. Отличительной особенностью ЕОУС стало построение такого правопорядка, в рамках которого произошла передача полномочий в избранных сферах от государств–членов к их объединению и был провозглашен наднациональный характер созданного объединения государств.

Следует согласиться с утверждением о том, что формирование Европейской ассоциации свободной торговли (далее – ЕАСТ) представляет собой результат тех же процессов, которые привели к учреждению ЕС (Чайка 2022: 128). Достаточно отметить лишь тот факт, что в состав ЕАСТ вошли семь других государств, подписавших Конвенцию об учреждении Организации европейского экономического сотрудничества, которые по разным причинам не стали учредителями ЕС⁴. Примечательно, что изначально намерения Великобритании, лидера среди стран, не участвовавших в создании ЕС, состояли в заключении Договора о зоне свободной торговли этих семи государств с Европейским союзом – идея, которая будет реализована спустя 30 лет с началом применения Соглашения о Едином экономическом пространстве между ЕС и некоторыми членами ЕАСТ⁵. На тот же момент все завершилось подписанием Стокгольмской конвенции от 30 ноября 1959 г., учредившей ЕАСТ, по своей природе являющейся зоной свободной торговли, в рамках которой также урегулирована защита конкуренции в части, способной затронуть торговлю между участниками Ассоциации, и защита интеллектуальной собственности.

Экономические трудности, слабость политических и правовых систем в конце 1960-х годов привели к формированию Андского сообщества, ключевой целью которого в Соглашении об Андской субрегиональной интеграции обозначен экономический рост, регулирование иностранных инвестиций и гармонизация национальных законодательств (Helfer et al. 2009: 8).

⁴ Австрия, Великобритания, Дания, Норвегия, Португалия, Швеция и Швейцария.

⁵ Участниками Соглашения о Европейском экономическом пространстве со стороны ЕАСТ являются Исландия, Лихтенштейн и Норвегия.

Что касается природы данного объединения, то по мере развития практики Суда Андского сообщества в ней сформировался подход, тяготеющий к наднациональности.

Разная природа анализируемых нами учреждений (категорический отказ от идеи наднациональности в СНГ, ее столь же однозначное признание в ЕОУС и движение в ее направлении в Андском сообществе) вполне объяснима с точки зрения процессов, приведших к созданию этих объединений государств. Недавнее обретение суверенитета странами – учредителями СНГ не давало им возможности стать членами международной организации, которая предусматривала бы отказ хоть от какой-то части этого суверенитета, в то время как достижение цели постановки под контроль двух ключевых отраслей экономик государств послевоенной Европы, напротив, было невозможно без трансфера соответствующих полномочий на уровень объединения государств.

Возвращаясь к прообразу евразийской интеграции, отметим, что все дальнейшие успешные шаги происходили в направлении создания Таможенного союза, во многом по той причине, что к середине 1990-х гг. стала очевидна неспособность СНГ претворить в жизнь интеграционные проекты глубокого характера (Кембаев 2016). В такой ситуации государства, настроенные на более глубокое взаимодействие, решили воплотить в жизнь положения Договора об Экономическом союзе, вследствие чего было подписано Соглашение о Таможенном союзе⁶, предусматривавшее его поэтапное формирование.

Международно-правовым актом, в котором впервые на евразийском пространстве фигурировала дефиниция «интеграция», стал Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях⁷, предусматривающий создание общего рынка и ставший стимулом к заключению Договора о Таможенном союзе⁸ и Едином экономическом пространстве, а также Соглашения⁹, являющегося базой для формирования ЕЭП. Последнее примечательно указанием на два ключевых момента: допустимость «разноскоростной интеграции», а также сочетание в деятельности институтов нового объединения межправительственных и наднациональных элементов.

Одновременно с действиями, призванными «запустить» Таможенный союз его государствами-членами, начато движение в направлении ЕЭП, которое ознаменовалось принятием международных договоров, заложивших фундамент данного объединения¹⁰.

Процессы, которые привели к началу деятельности Таможенного союза и ЕЭП, иллюстрируют, что к интеграции способно привести создание

⁶ Соглашение датировано 6 января 1995 г. Его участниками стали Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Республика Таджикистан.

⁷ Договор датирован 29 марта 1996 г. Его участниками являются Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Кыргызская Республика.

⁸ Датирован 26 февраля 1999 г.

⁹ Датировано 19 сентября 2003 г.

¹⁰ Данные международные договоры рассматриваются в качестве «формирующих ЕЭП». Они вступили в силу с 1 января 2012 г.

такой институциональной структуры, в которой приоритет отдан наднациональным элементам и функционированию самостоятельного регулирующего органа, в пользу которого осуществлен трансфер отдельных полномочий государств-членов (см.: Дьяченко 2021). В рассматриваемом случае на первый план вышла правовая, а не экономическая составляющая межгосударственного взаимодействия, выразившаяся в создании автономного правопорядка, который независим как от универсального международного права, так и от национального законодательства, а также в переходе к созданию институтов, которые отличны от тех, что опосредуют межправительственное взаимодействие.

Обзор развития договорно-правовой базы на постсоветском пространстве свидетельствует, что ее эволюция во многом является реакцией на внешние вызовы. Очередное расширение ЕС в 2004 г. и тот факт, что «после присоединения к ЕС ряда восточноевропейских стран он стал непосредственным соседом евразийской интеграционной группировки» (Кембаев 2016: 40), приводят к активизации процессов в рамках развития Таможенного союза и ЕЭП. Запуск в 2008–2009 гг. программы «Восточное партнерство», одной из задач которой являлось включение государств-участников¹¹ в политическую и экономическую орбиту ЕС путем заключения соглашений об ассоциации, предусматривающих возникновение «продвинутой» зоны свободной торговли и гармонизацию с правом ЕС, включая законодательства государств-участников и их технические стандарты¹², привел к активизации процессов по развитию евразийской интеграции и вовлечению в ее орбиту новых государств и, прежде всего, Армении, подписавшей Договор о присоединении к ЕАЭС 10 октября 2024 г.

Небезынтересна также точка зрения о влиянии на евразийскую интеграцию интенсификации межгосударственного взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Именно на таком фоне подписан Договор о ЕАЭС¹³, которым создана институциональная и правовая системы данного объединения, осуществлено нормативное регулирование по большому перечню вопросов, ранее находившихся в ведении Таможенного союза и ЕЭП. Не будет преувеличением утверждение о том, что учредительным Договором ЕАЭС сформирован самостоятельный евразийский правопорядок, материально-правовая часть которого представлена собственно учредительным договором, иными международными договорами в рамках данного объединения государств и актами вторичного права. Наличие у ЕЭК полномочий на издание актов

¹¹ На момент создания участниками были Беларусь, Армения, Молдова, Азербайджан, Грузия и Украина.

¹² См.: Декларация по итогам саммита Восточного партнерства в Праге 7 мая 2009 г. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/31797/2009eapdeclaration.pdf> (дата обращения: 26.02.2025).

¹³ Его государства-учредители – Россия, Беларусь и Казахстан, к которым на основании Договоров от 10 октября 2014 г. и от 23 декабря 2014 г. еще до вступления в силу Договора о ЕАЭС присоединились Армения и Кыргызстан.

вторичного права наглядно подтверждает наднациональный характер евразийской интеграции по той причине, что роль правотворца принадлежит не только государствам, к воле которых отнесено подписание международных договоров в рамках Союза, но также и независимому от них актору, наделенному компетенцией в отдельных сферах реализовывать исключительные полномочия, результат которых, материализованный в решениях, обязателен для государств-членов. Специфика правопорядка ЕАЭС, включая его автономность, проистекает из его верховенства по отношению к национальным правовым системам. Краеугольным камнем для Союза становится наличие у него свойств прямого действия и непосредственного применения (Дьяченко, Энтин 2018). Значимую роль в обосновании особого правопорядка ЕАЭС играет формирование общих принципов права данного объединения государств (см.: Энтин 2022b).

Представляется, что проанализированные черты ЕАЭС стали залогом того, что данное объединение государств, вслед за Таможенным союзом и ЕЭП, смогло реализовать заложенный в нем потенциал, стало реальным актором как на международной арене, так и в отношениях между государствами-членами. В настоящее время именно в формате ЕАЭС упорядочены такие значимые сферы, как таможенное и техническое регулирование, ведется работа по снятию барьеров и ограничений во взаимной торговле. Союзу переданы исключительные полномочия по введению мер защиты внутреннего рынка, которые им активно реализуются – в настоящее время в ЕАЭС действует девятнадцать антидемпинговых мер, субъектом принятия которых является ЕЭК. Союзу принадлежат полномочия по пресечению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках, которые активно реализуются ЕЭК. Символом действительной, а не декларативной международной правосубъектности ЕАЭС является заключение им международных договоров о свободной торговле, торгово-экономическом сотрудничестве с третьими странами¹⁴.

Изложенное наглядно отличает Союз от иных создававшихся на евразийском пространстве объединений, начиная с СНГ.

Доктринальное осмысление евразийской интеграции

Проведенный обзор демонстрирует, что процессы, опосредующие интеграционное взаимодействие государств на евразийском пространстве, происходили почти непрерывно последние тридцать пять лет. Бывали периоды большей или меньшей интенсивности, но окончательно они не затухали никогда. Какие-то идеи были слишком радикальными для своего времени и потребовались почти десятилетия, чтобы они обрели реальное воплощение, как, например, идея создания таможенного союза, впервые сформулированная в Договоре о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 г., а реализованная в Договоре от 26 февраля 1999 г. о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. Другие идеи, наоборот,

¹⁴ Подробнее см. официальный сайт ЕЭК: URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/238/> (дата обращения: 19.03.2025).

оказывались своевременны и продвигались интенсивно. Казалось бы, подобные процессы заслуживали серьезного и постоянного правового осмысления, но, к сожалению, этого не произошло. Вплоть до настоящего времени вокруг евразийского интеграционного проекта не сформировалось научной школы, а его изучение фрагментарно или секторально – отдельным институтам или сферам уделяется внимание, они становятся объектом научного исследования, другие же почти не получают освещения. При том последнее справедливо только по отношению к тому этапу, который начинается с создания Таможенного союза и ЕЭП и продолжается в рамках ЕАЭС. Здесь наличествуют исследования, посвященные общим вопросам права Союза (Капустин 2015; Нешатаева 2023; Чайка 2020b; Энтин 2021; Энтин 2022b), его институтам (Суду¹⁵, меньше – ЕЭК¹⁶), единому (внутреннему) рынку (Михалева, Берман 2023), а также таможенным правоотношениям (Сидорова, Артемьев 2022; Энтин 2022a), праву конкуренции (Дьяченко, Энтин 2021; Соколов, Дехтярь 2019), трудовой миграции (Захарова 2020; Энтин, Пиркер 2020). Остальные отрасли остаются на периферии. Для иллюстрации отметим, что соответствие мер защиты внутреннего рынка, введенных не только страной – участницей ЕАЭС или им самим, требованиям права Всемирной торговой организации (далее – ВТО) и их проверки Органом по разрешению споров ВТО находятся в фокусе российской науки (Боклан 2015).

Анализ указанных научных публикаций свидетельствует об очевидно недостаточном внимании к основополагающим вопросам права ЕАЭС, о неисследованности его как самостоятельного феномена. Также отсутствуют теории, направленные на осмысление правовой природы евразийской интеграции. В отличие от доктринальных исследований права ЕС, в рамках которого сформировалось как минимум четыре группы теорий, в которых делается попытка концептуализировать природу юридического элемента европейской интеграции (Капустин 2015: 62), применительно к ЕАЭС подобные попытки не предпринимались.

В том же, что касается СНГ и движения от него к Таможенному союзу и ЕЭП, а затем и к ЕАЭС, какой-либо серьезный доктринальный анализ и вовсе отсутствует. Фактически двадцать лет международной деятельности государств остались без внимания правовой науки. Проводимые исследования касались отдельных сфер, затронутых правовым регулированием в рамках СНГ, как, например, правоотношения в области таможенного дела (Корф 2011), взимание косвенных налогов (Пономарева 2018). Собственно исследования межгосударственного взаимодействия как прообраза интеграции на постсоветском пространстве не предпринималось. В лучшем случае этой проблематике уделено внимание в рамках общих исследований международного права¹⁷ или при изучении процессов в рамках Таможенного

¹⁵ См.: (Дьяченко, Энтин 2017; Чайка 2018; Шинкарецкая 2012).

¹⁶ См.: (Трунина 2016; Савенков и др. 2021: 134–142).

¹⁷ См. главу «Содружество независимых государств (СНГ) и его первоначальная трансформация. ЕврАзЭС и другие учреждения на постсоветском пространстве» в моногр.: (Вельяминов 2015).

союза и ЕЭП (Кембаев 2016), которые в большей степени оказались в фокусе внимания отечественной науки. Между тем, с позиции сегодняшнего дня и уже десятилетнего опыта функционирования ЕАЭС представляется, что предшествующие ему попытки наладить экономическое межгосударственное взаимодействие имеют значение в аспекте осмысления целей и ценностей Союза, которые оказываются принципиально важны, но зачастую недооценены в свете применения права ЕАЭС и, главное, восполнения существующих в нем пробелов. Простой пример – внутренний рынок, который зачастую мыслится как весьма прикладная материя, а в действительности является той ценностью, для защиты которой и предпринимались все попытки создать интеграционный проект.

Еще один важный аспект: международные договоры, предшествующие Таможенному союзу и ЕЭП, содержали довольно много ценной правовой материи (отмена таможенных пошлин, защита конкуренции, свобода движения товаров, работ и услуг), но все это терялось либо среди иных нереалистичных задач (создание общего финансового рынка, переход к единой валюте), либо среди невыполнимых сроков. К примеру, в Соглашении о Таможенном союзе от 6 января 1995 г. в течение четырех месяцев с даты его подписания предполагалась унификация валютно-финансового законодательства. На этом фоне содержательная часть указанных договоров осталась в тени амбициозных деклараций. Думается, что при должном внимании науки в соответствующий момент, критическом осмыслении международно-правовых актов и выработке рекомендаций по их корректировке, вектор интеграции мог получить свое развитие в более короткие сроки.

На протяжении многих лет в рамках российской доктрины обсуждается проблематика интеграции в ее различных проявлениях и во многом именно с точки зрения правового оформления. Проблема в том, что не формулируется однозначной и именно правовой дефиниции «интеграции». Данное явление осмысливается исключительно в его экономическом аспекте, как оно было выработано в середине XX столетия (см.: Tinbergen 1954: 95; Balassa 1961: 1-4), и в этом значении перешло в правовую науку (см.: Капустин 2004: 146; Соколова 2016: 181), которая традиционно относит к числу интеграционных объединений зоны свободной торговли, таможенные, экономические, валютные союзы и, наконец, так называемые «полные экономические союзы» (см.: Кашкин 2014; Лисицын-Светланов 2018; Closa, Casini 2016: 12-14).

Подобный терминологический плюрализм приводит к тому, что зачастую понятием интеграция охватывается все межгосударственное взаимодействие, начиная с образования СНГ. К примеру, О.Ю. Бакаева считает СНГ реализацией «идеи о возможной интеграции стран – бывших советских республик» (Бакаева 2014).

В свою очередь, доктринальное определение интеграционного объединения, выработанное российской правовой наукой, сводится к его пониманию в качестве «международной организации, ставшей основой для формирования зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка, экономического либо валютного союзов» (Чайка 2022: 68), характеризующейся такими чертами, как передача части суверенных полномочий

государств соответствующей международной организации (см.: Капустин 2004: 146) и автономность ее правопорядка (см.: Юмашев 1989).

В науке почти не предпринимаются попытки осмыслить интеграцию в ее правовом аспекте. Между тем, учитывая, что дефиниция «интеграционное объединение» включает как элементы, демонстрирующие уровень экономических взаимосвязей государств, так и характеристики их правового взаимодействия, обоснованно обособить категорию правовой интеграции и выдвинуть гипотезу о ее возможном несовпадении с экономической, в первую очередь, в рамках зоны свободной торговли (Дьяченко 2023: 48).

Наиболее близко к формулированию понятия правовой интеграции подходит Н.Г. Доронина, отмечая необходимость «сближения правовых систем государств-участников интеграционного взаимодействия», в том числе за счет унификации и гармонизации законодательства (Доронина 1998).

Видится необходимым дополнить обозначенную формулировку, исходя из того, что одной из характеристик интеграционного объединения признается наличие у него собственного права, обладающего верховенством по отношению к законодательствам государств-членов (Klabbers 2015: 26). В состав права интеграционного объединения, как правило, входит его учредительный договор, договоры в рамках данного объединения и с третьими странами, а также акты вторичного права. Выработка указанных актов осуществляется двумя способами: международные договоры являются результатом согласования воли суверенных государств (*masters of treaties*), в то время как акты вторичного права исходят от исполнительно-распорядительного органа соответствующего интеграционного объединения. При этом в различных объединениях способ принятия актов вторичного права, хотя и отличается, но в зависимости от степени чувствительности регулируемого вопроса включает единогласие, консенсус, квалифицированное или простое большинство.

Особенностью права интеграционных объединений является наличие в нем разных типов правоустановлений: одни заменяют собой положения законодательства государств-членов, становясь инструментом унификации в той или иной сфере, другие – допускают дискрецию государств по их имплементации, являясь способом гармонизации. Подчеркнем, что именно наличие общих, унифицирующих норм является особенностью, которая отличает интеграционное объединение от международной организации иного типа.

При таких обстоятельствах под правовой интеграцией целесообразно понимать формирование нормативного регулирования, где в обязательном порядке наличествуют правовые нормы, общие (единые) для объединения государств и имеющие целью упорядочивание тех общественных отношений, в которых ранее действовали положения внутригосударственного права, но с учреждением интеграционного объединения их регулирование передано на его уровень (Дьяченко 2023: 49). Методом создания подобных норм является унификация. Таким образом, за счет унификации в отдельных сферах общественных отношений происходит замена национальных правоположений нормами интеграционного права. В свою очередь, гармонизация является средством достижения единообразия на внутригосударственном уровне за счет имплементации интеграционной нормы.

Неотъемлемой чертой правовой интеграции также является существование органа интеграционного объединения, который независим от государств-членов и обладает полномочиями на принятие актов вторичного права.

Применение сформулированного подхода позволяет исключить из интеграционных процессов на евразийском пространстве СНГ, в рамках которого не был создан орган, независимый от государств и уполномоченный на принятие актов вторичного права; помимо этого не произошло формирования собственной правовой системы. Отсутствует возможность отнести к числу интеграционных объединений и Союзное государство¹⁸ по той причине, что в его рамках тоже не подразумевалось создание наднационального органа, уполномоченного на принятие актов нормативно-правового характера, а также формирование собственной правовой системы. При таких обстоятельствах старт интеграции был дан лишь с формированием Таможенного союза и ЕЭП.

Представляется, что формулирование данного вывода носит отнюдь не абстрактный характер, а имеет целью подчеркнуть необходимость четкого разделения разных типов объединений государств для выбора присутствующих им методов правового регулирования и, как следствие, подходов к их доктринальному анализу.

В этом контексте будет уместно обратиться к вопросу о том, каким образом сейчас изучается ЕАЭС. В основу положено сравнение с иными интеграционными объединениями и, прежде всего, ЕС, его институтами и правовой системой. Не возражая против обоснованности применения компаративизма, отметим, что если безусловная приверженность ему была оправдана в первые годы функционирования ЕАЭС, то с накоплением им собственной практики видится обоснованным применение сравнительного метода в дополнение к осмыслению Союза как самостоятельного правового феномена, специфика которого вызвана, среди прочего, историческими особенностями его создания и отдельных этапов развития. Немаловажную роль в изучении правовой системы ЕАЭС должно играть понимание его учредительного договора не как единого документа, написанного в качестве такового, а как акта кодификации разрозненных договоров, принятых на разных этапах эволюции евразийской интеграции. Подобное знание позволит лучшим образом уяснить причину семантических особенностей Договора о Союзе, формулирования в различных разделах несовпадающих дефиниций одних и тех же понятий. Последнее носит прикладной характер, позволяя вырабатывать подходы к преодолению подобных противоречий, иметь возможность дать ответ на вопрос о том, требуется ли в конкретном случае внесение изменений в право Союза или достаточно судебного толкования для преодоления возникшей коллизии. Данная проблематика подводит нас к теме судебного активизма, которая также незначительно исследована в аспекте ЕАЭС (Дьяченко 2020) и зачастую незаслуженно рассматривается исключительно в негативной коннотации. Между тем, судебный активизм находится на стыке исследований права интеграционных объединений и общей теории права,

¹⁸ Учреждено на основании Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г.

а, возможно, и философии права, формулируя центральный вопрос – о судебном усмотрении (дискреции). Учитывая представление о том, что право интеграционных объединений – это зачастую право, сформированное его судебным органом, закономерно, что в этой ситуации вопрос судебного усмотрения многократно возрастает и выходит на универсальный уровень.

Нельзя исключить из внимания науки права интеграционных объединений исследование феномена интеграционного процессуального права, которое отлично от порядка разрешения споров и в «классических» международных судах, и в национальных судах, хотя зачастую вдохновлено каждым из них. В рамках общих подходов к толкованию права международных договоров требует развития и обособления интерпретация права интеграционных объединений. Последняя приобрела многие уникальные черты, начиная с необязательности последовательного применения интерпретационных инструментов, поименованных в статье 33 Венской конвенции о праве международных договоров, включая выработку методов, не свойственных «классическому» международному праву, и заканчивая необходимостью толковать не только международный договор, но и акт вторичного права.

Учитывая развитие практики Суда Союза как органа, призванного обеспечить единообразное применение права интеграционного объединения посредством разрешения споров и предоставления консультативных заключений, полагаем, что анализ системы институтов ЕАЭС и его права невозможен без взгляда на них в аспекте правоприменения¹⁹. Именно в актах Суда Союза обозначена специфика его права, сформулированы общие принципы права ЕАЭС, разъяснено понимание политик, в рамках которых интеграционное объединение осуществляет свои полномочия; восполнены пробелы в отраслевом регулировании, как в вопросе применения общих правил конкуренции. В области таможенного регулирования практику Суда составляют дела о классификации отдельных видов товаров, о порядке определения таможенной стоимости. Судом сформулированы правовые позиции о функционировании внутреннего рынка, о введении антидемпинговых мер, о применении технических стандартов. Изложенное демонстрирует, что накоплено достаточно эмпирического материала, который позволяет изучать и преподавать право ЕАЭС в преломлении его судебной практики. На актуальном этапе развития доктрины анализ права Союза в подобном аспекте являлось предметом лишь одного исследования.

Принимая во внимание тот факт, что «будучи субъектами международного права, интеграционные объединения связаны как заключаемыми ими международными договорами, так и нормами международного обычного права», а «передача государствами части своих суверенных полномочий на наднациональный уровень также не освобождает их от взятых на себя в рамках международных договоров обязательств» (Энтин 2021: 103), чрезвычайно важное значение в рамках изучения права ЕАЭС имеет анализ вопроса о соотношении права Союза и общего международного права. В настоящее время

¹⁹ Опыт осмысления права ЕАЭС с учетом практики его Суда получил выражение в моногр.: (Савенков и др. 2021).

цитируемая публикация является единственной посвященной данной проблематике.

Залогом успешного развития региональной интеграции является наличие у нее ценностного базиса, которым может быть как идея исторического, культурного единства, защиты прав человека²⁰, так и экономические категории, первое место среди которых занимает внутренний рынок²¹. В аспекте евразийской интеграции, изучение которой, на наш взгляд, должно включать и анализ ее ценностей, комплексные исследования по данному вопросу практически отсутствуют, за небольшими исключениями (Чайка 2020а). Вместе с тем данная проблематика носит отнюдь не абстрактный характер. Как показывает опыт ЕС, приверженность общим ценностям является одним из условий вступления в интеграционное объединение²², что с практической точки зрения весьма рационально – единство ценностей призвано минимизировать правовые конфликты. В число центральных элементов европейской идентичности включается приверженность верховенству права, представительной демократии и социальной политике, а в качестве экономического компонента – защита внутреннего рынка (Jesse, Williams 2012: 63). Права человека также рассматриваются как неотъемлемая часть европейской идентичности, которая подлежит защите и продвижению не только в европейском, но и в более широком контексте (Zamburlini et al. 2021: 34).

Разделяя убежденность в том, что ценностную основу ЕАЭС составляют уважение суверенного равенства государств, соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина, общепризнанных принципов и норм международного права и рыночной экономики (Чайка 2022: 132), дополним это перечисление указанием на два таких значимых компонента, как верховенство права и внутренний рынок.

Отталкиваясь от выработанных доктриной компонентов верховенства права, в основе которого связанность правом и публичных акторов, и частных лиц, чьи права и обязанности формируются исключительно на правовой основе (Чиркин 2015), полагаем, что само по себе формирование правовой системы Союза, фундамент которой образует Договор о ЕАЭС, устанавливающий институциональное устройство ЕАЭС, иерархию норм, составляющий его право, регулирующий правовое положение лиц в тех сферах, ре-

²⁰ В Декларации о европейской идентичности от 14 декабря 1973 г. содержится намерение государств-членов обеспечить уважение основополагающих ценностей их правового, политического и морального порядка, а также многообразие национальных культур. Из Договора об учреждении ЭКОВАС, Африканской хартии основных прав человека и гражданина и Декларации о политических принципах ЭКОВАС следует, что к числу ценностей данного объединения относится защита прав человека и основных свобод.

²¹ Декларация о европейской идентичности в числе ее неотъемлемых элементов идентичности называет общий рынок, основанный на таможенном союзе, институты и общие политики.

²² В пункте 4 Декларации о Европейской идентичности отмечено, что «объединенная Европа... открыта ко вступлению других европейских государств, разделяющих те же идеалы и цели».

гулирование которых передано на уровень интеграционного объединения, свидетельствует о создании Союза на основе принципа верховенства права. Данный подход получил развитие и в практике Суда²³: в числе принципов, на основе которых действует Союз, поименовано верховенство права.

Идея верховенства права неразрывно связана с приверженностью ЕАЭС целям и принципам Устава ООН, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права, которая звучит в преамбуле и в статье 3 Договора о Союзе. Подобное правовое регулирование отражает идею о «встроенности» ЕАЭС в международное право, несмотря на наличие у него собственного «особого» правопорядка, и может рассматриваться как готовность Союза к взаимодействию с иными государствами и их объединениями. В пользу тезиса об открытости Союза международному праву свидетельствует и упоминание в преамбуле Договора его деятельности с учетом права ВТО. На предшествующих этапах соблюдение общепризнанных норм международного права, а также следование нормам и принципам ВТО фигурировали в Декларации о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г., которая знаменовала переход к ЕЭП. Изложенное означает, что указанный подход является базисом всего процесса евразийской интеграции. Представляется, что сочетание автономности правопорядка и открытости международному праву и взаимодействию на международном уровне является сильной чертой ЕАЭС и выгодно отличает его, к примеру, от ЕС, который в большей степени сконцентрирован на идее собственной автономности.

Тезис о внутреннем рынке Союза как ценности евразийской интеграции следует из пункта 1 статьи 1 Договора о ЕАЭС, в котором учреждение ЕАЭС связано, в первую очередь, с обеспечением в его рамках свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы как элементов внутреннего рынка по смыслу пункта 2 статьи 28 Договора. При таких обстоятельствах внутренний рынок становится той основной целью, для достижения которой создано интеграционное объединение²⁴. Данный вывод подтверждает и ретроспективный взгляд на весь процесс евразийской интеграции, описанный в первом разделе настоящей статьи.

Признание внутреннего рынка ценностью ЕАЭС позволяет при применении метода телеологического толкования принять за основу данную цель как ключевую и соотносить с ней интерпретацию правовых норм.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует эволюцию идей интеграции на пространстве, возникшем после распада СССР. Примечательно, что возникновению интеграционного объединения в качестве Таможенного союза предшествовало длительное развитие межгосударственных отношений, резюмировавшихся созданием в пределах СНГ зоны свободной торговли. В свою очередь, появление Таможенного союза и ЕЭП стало своеобразной

²³ В консультативном заключении Суда ЕАЭС от 30 октября 2017 г. по делу № Р-3/17 «О свободном движении товаров».

²⁴ На это прямо указано в статье 4 Договора о Союзе.

реакцией государств – участников СНГ на неготовность их партнеров по данному объединению углублять свое взаимодействие.

Несмотря на почти тридцатипятилетнюю историю экономического взаимодействия государств, ее доктринальное осмысление в правовом ракурсе представляется недостаточным. Международные договоры, заключенные до тех, что сформировали Таможенный союз и ЕЭП, практически не анализировались в пределах отечественной доктрины как самостоятельный феномен. Право Таможенного союза и ЕЭП, а затем и ЕАЭС изучено в большей степени, но глубина подобного изучения неравномерна – проблематика общих вопросов правопорядка, соотношения с международным правом, общих ценностей интеграционного проекта требует углубленного анализа. Это утверждение справедливо и в аспекте конкретных сфер материально-правового регулирования в рамках Союза: таможенного дела, права конкуренции, мер защиты внутреннего рынка и других.

Требует теоретической проработки понятие «правовая интеграция», которую предлагается рассматривать в качестве создания правовых норм, общих для объединения государств и имеющих целью упорядочивание тех общественных отношений, в которых ранее действовали положения их внутригосударственного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бакаева О.Ю. 2012. Таможенный союз – Единое экономическое пространство – Евразийский экономический союз: этапы интеграции // Международное публичное и частное право. № 4. С. 7–9.

Боклан Д.С. 2015. Россия – колесные транспортные средства (О взимании «утилизационного сбора» в отношении автомобилей) // Право ВТО. № 1. С. 57–59.

Вельяминов Г.М. 2015. Международное право: опыты. Москва : Статут. 1005 с.

Гинзбург Ю.В. 2013. Эволюция форм экономической интеграции на постсоветском пространстве // Реформы и право. № 3. С. 9–12.

Доронина Н.Г. 1998. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. № 6. С. 53–67.

Дьяченко Е.Б. 2015. Эволюция евразийской интеграции // Закон. № 2. С. 137–158.

Дьяченко Е.Б. 2020. Судебный активизм и его роль в практике международных судов // Международное правосудие. № 2. С. 103–125. DOI 10.21128/2226-2059-2020-2-103-125

Дьяченко Е.Б. 2021. Таможенный союз и Единое экономическое пространство как основа евразийской интеграции // Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС: моногр. / А.Н. Савенков, К.Л. Чайка, Е.Б. Дьяченко, К.В. Энтин. Москва : Проспект. С. 52–55.

Дьяченко Е.Б. 2023. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений : дис. д-ра юрид. наук. Москва. 433 с.

Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. 2017. Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // Международное правосудие. № 3. С. 76–95. DOI 10.21128/2226-2059-2017-3-76-95

Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. 2018. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. № 10. С. 123–133. DOI 10.12737/art_2018_10_12

Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. 2021. Роль консультативных заключений Суда ЕАЭС в развитии права конкуренции Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 4. С. 177–204. DOI 10.17323/2072-8166.2021.4.177.204

Захарова Л.И. 2020. Влияние Консультативного заключения суда ЕАЭС от 7 декабря 2018 года на осуществление трудовой деятельности профессиональных спортсменов // Международное правосудие. № 1. С. 97–106. DOI 10.21128/2226-2059-2020-1-97-106

Капустин А.Я. 2004. Понятие, предмет, источники и субъекты права международных организаций // Лекции по актуальным проблемам международного и европейского права / под ред. Л.Н. Галенской, М.Л. Энтина. Санкт-Петербург : Россия-Нева. С. 113–156.

Капустин А.Я. 2015. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. № 11. С. 59–69.

Каширкина А.А., Морозов А.Н. 2015. Развитие евразийской интеграции в контексте процессов глобализации и регионализации // Международное право и международные организации. № 2. С. 231–245. DOI 10.7256/2226-6305.2015.2.14762

Кашкин С.Ю. (отв. ред.) 2014. Интеграционное правосудие: сущность и перспективы: монография / П.А. Калинин, С.Ю. Кашкин, Я.С. Кожеуров и др.; отв. ред. С.Ю. Кашкин. Москва : НОРМА : ИНФРА-М. 110 с.

Кембаев Ж.М. 2016. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. № 2. С. 32–45.

Корф Д.В. 2011. Таможенное законодательство о стране происхождения товаров // Реформы и право. № 1. С. 12–22.

Лисицын-Светланов А.Г. (гл. ред.) 2018. Механизм разрешения споров в региональных интеграционных группировках на примере Европейского союза, ЕАЭС, АСЕАН, МЕРКОСУР, НАФТА и в ГАТТ/ВТО / Г.М. Вельяминов, Н.Н. Вознесенская, У. Клинке и др.; гл. ред. А.Г. Лисицын-Светланов. Москва : Междунар. отношения. 406 с.

Михалёва Т.Н., Берман А.М. 2023. Единый рынок Евразийского экономического союза: de jure, de facto, de lege ferenda // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 62. С. 673–688. DOI 10.17072/1995-4190-2023-62-673-688

Нешатаева Т.Н. 2023. Евразийский экономический союз: органы, практика, право // Журнал российского права. Т. 23, № 5. С. 187–201. DOI 10.12737/jrp.2023.061

Пономарева К.А. 2018. Акты наднационального права как основа правового режима налогообложения прибыли доходов в ЕС и ЕАЭС // Финансовое право. № 3. С. 25–29.

Савенков А.Н. и др. 2021. Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС: моногр. / А.Н. Савенков, К.Л. Чайка, Е.Б. Дьяченко, К.В. Энтин. Москва : Проспект. 352 с.

Сидорова Е.Ю., Артемьев А.А. 2022. Система нормативно-правового регулирования в сфере таможенного налогообложения, действующая в России // Хозяйство и право. № 9. С. 106–120. DOI 10.18572/0134-2398-2022-9-106-120

Соколов А.Ю., Дехтярь И.Н. 2019. К вопросу о полномочиях ЕЭК по применению мер административного принуждения в связи с нарушениями антимонопольного законодательства // Административное право и процесс. № 7. С. 61–64.

Соколова А.Н. 2016. Укрепление региональной интеграции: судебное влияние // Актуальные проблемы российского права. № 10(71). С. 181–189. DOI 10.17803/1994-1471.2016.71.10.181-189

Трунина Е.В. 2016. Интерпретационные акты Евразийской экономической комиссии в контексте судебной практики // Вестник арбитражной практики. № 4. С. 62–70.

Чайка К.Л. 2018. Международно-правовые подходы в практике Суда Евразийского экономического союза // Журнал российского права. № 11. С. 138–151. DOI 10.12737/art_2018_11_14

Чайка К.Л. 2020а. Правовые ценности и их влияние на таможенное регулирование Евразийского экономического союза // Вестник Российской таможенной академии. № 1 (50). С. 60–66.

Чайка К.Л. 2020b. Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения // Журнал российского права. № 5. С. 148–157. DOI 10.12737/jrl.2020.062

Чайка К.Л. 2022. Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10. Москва. 420 Л.

Чиркин В.Е. 2015. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. № 12. С. 5–11. DOI 10.12737/16624

Шинкаревецкая Г.Г. 2012. Суд Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза // Международное правосудие. № 1. С. 98–106.

Энтин К.В. 2021. Роль международных договоров и международного обычного права в правовом порядке ЕС и ЕАЭС // Международное правосудие. № 1(37). С. 102–130. DOI 10.21128/2226-2059-2021-1-102-130

Энтин К.В. 2022а. Влияние правовых позиций Суда Евразийского экономического союза на правоприменительную практику российских судов по таможенным спорам // Вестник Российской таможенной академии. № 3. С. 56–64. DOI 10.54048/20727240_2022_03_56

Энтин К.В. 2022b. Общие принципы права интеграционных объединений как тайное оружие Суда ЕС и Суда ЕАЭС // Международное правосудие. № 2(42). С. 64–83. DOI 10.21128/2226-2059-2022-2-64-83

Энтин К.В., Пиркер Б. 2020. Свободное движение лиц в ЕАЭС: между *Civis Eurasiaticus* и *Homo Oeconomicus* // Международное правосудие. № 1 (33). С. 79–96. DOI 10.21128/2226-2059-2020-1-79-96

Энтин Л.М., Энтин М.Л. (отв. ред.) 2018. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского союза и Евразийского экономического союза : учебник / М.М. Бирюков, Л.М. Энтин, Е.А. Торкунова и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. Л.М. Энтин, М.Л. Энтин. Москва : Норма : Инфра-М. 528 с.

Юмашев Ю.М. 1989. Внешнеэкономические связи ЕЭС: правовые аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10. Москва. 41 с.

Balassa B. 1961. *The Theory of Economic Integration*. Homewood, Ill. : R.D. Irwin. 304 p.

Closa C., Casini L. 2016. *Comparative regional integration: Governance and Legal Models*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 525 p.

Helfer L.R., Alter K.J., Guertzovich, M.F. 2009. *Islands of Effective International Adjudication: Constructing an Intellectual Property Rule of Law in the Andean Community* // *American Journal of International Law*. Vol. 103, iss. 1. P. 1–47. DOI 10.2307/20456720

Jesse N.G., Williams K.P. 2012. *Identity and institutions: Conflict Reduction in Divided Societies*. Albany, NY : State Univ. of New York Press. 208 p.

Klabbers J. 2015. *An Introduction to International Institutional Law*. 3rd ed. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 424 p.

Tinbergen J. 1954. *International Economic Integration*. 2nd ed., rev. Amsterdam : Elsevier. 191 p.

Zamburlini I., Lorenzini S., Umberto T.U. (eds.) 2021. *The Human Rights Breakthrough of the 1970s: The European Community and international relations*. London ; New York : Bloomsbury Academic. 280 p.

References

Bakaeva O.Yu. *Tamozhennyi soyuz – Edinoe ekonomicheskoe prostranstvo – Evraziyskiy ekonomicheskii soyuz: etapy integratsii* [Customs Union – Common Economic Space –

Eurasian Economic Union: Stages of Integration], *Public International and Private International Law*, 2012, no. 4, pp. 7–9. (in Russ.).

Balassa B. *The Theory of Economic Integration*, Homewood, Ill., R.D. Irwin, 1961, 304 p.

Boklan D.S. *Rossiya – kolesnye transportnye sredstva (O vzimanii «utilizatsionnogo sbora» v otnoshenii avtomobiley)* [Russia – Wheeled Vehicles (On the Collection of a “Recycling Fee” for Cars)], *Pravo VTO*, 2015, no. 1, pp. 57–59. (in Russ.).

Chaika K.L. Legal Values and Their Impact on Customs Regulation of the Eurasian Economic Union, *Vestnik Rossiyskoy Tamozhennoy Akademii*, 2020, no. 1(50), pp. 60–66. (in Russ.).

Chayka K.L. International Legal Approaches in the Practice of the Court of the Eurasian Economic Union, *Journal of Russian Law*, 2018, no. 11, pp. 138–151. https://doi.org/10.12737/art_2018_11_14 (in Russ.).

Chayka K.L. *Sudy integratsionnykh ob'edineniy sredi inykh organov mezhdunarodnogo pravosudiya : dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.10* [Courts of Integration Associations Among Other Bodies of International Justice: Dissertation], Moscow, 2022, 420 l. (in Russ.).

Chayka K.L. The Role of the EAEU Common Values in the Formation and Development of the Integration Association's Law, *Journal of Russian Law*, 2020, no. 5, pp. 148–157. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.062> (in Russ.).

Chirkin V.E. Supremacy of Law: Contemporary Terminology, *Journal of Russian Law*, 2015, no. 12, pp. 5–11. <https://doi.org/10.12737/16624> (in Russ.).

Closa C., Casini L. *Comparative regional integration: Governance and Legal Models*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2016, 525 p.

Doronina N.G. *Unifikatsiya i garmonizatsiya prava v usloviyakh mezhdunarodnoy integratsii* [Unification and Harmonization of Law in the Context of International Integration], *Journal of Russian Law*, 1998, no. 6, pp. 53–67. (in Russ.).

Dyachenko E. Judicial Activism and its Role in Case-Law of International Court, *International Justice*, 2020, no. 2, pp. 103–125. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-2-103-125> (in Russ.).

Dyachenko E.B. Evolution of the Eurasian Integration, *Statute*, 2015, no. 2, pp. 137–158. (in Russ.).

Dyachenko E.B. *Otpravlenie pravosudiya v sudakh integratsionnykh ob'edineniy : dis. d-ra yurid. nauk* [Administration of Justice in the Courts of Integration Associations: Dissertation], Moscow, 2023, 433 p. (in Russ.).

Dyachenko E.B. *Tamozhennyi soyuz i Edinoe ekonomicheskoe prostranstvo kak osnova evraziyskoy integratsii* [The Customs Union and the Single Economic Space as the Basis of Eurasian Integration], Savenkov A.N., Chayka K.L., Dyachenko E.B., Entin K.V. *Sud Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i stanovlenie prava EAES: monogr.*, Moscow, Prospekt, 2021, pp. 52–55. (in Russ.).

Dyachenko E.B., Entin K.V. Competence of the Eurasian Economic Union Court: Myths and Realities, *International Justice*, 2017, no. 3, pp. 76–95. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2017-3-76-95> (in Russ.).

Dyachenko E.B., Entin K.V. Properties of the EAEC Law Through the Prism of the Practice of the Court of the Eurasian Economic Union, *Journal of Russian Law*, 2018, no. 10, pp. 123–133. https://doi.org/10.12737/art_2018_10_12 (in Russ.).

Dyachenko E.B., Entin K.V. The Role of the EAEU Court's Advisory Opinions in Development of the Eurasian Economic Union's Competition Law, *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 4, pp. 177–204. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.4.177.204> (in Russ.).

Entin K. General Principles of Integration Law as a Secret Weapon of the Cjeu and of the Eurasian Economic Union Court, *International Justice*, 2022, no. 2(42), pp. 64–83. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2022-2-64-83> (in Russ.).

Entin K. The Role of International Agreements and International Customary Law in the EU and EAEU Legal Orders, *International Justice*, 2021, no. 1(37), pp. 102–130. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2021-1-102-130> (in Russ.).

Entin K., Pirker B. Free Movement of People in the Eaeu: Between Civis Eurasiaticus and Homo Oeconomicus, *International Justice*, 2020, no. 1(33), pp. 79–96. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-1-79-96> (in Russ.).

Entin K.V. The Influence of the Eurasian Economic Union Court's Legal Findings on the Case Law of Russian Courts in Customs Disputes, *Vestnik Rossiyskoy Tamozhennoy Akademii*, 2022, no. 3, pp. 56–64. https://doi.org/10.54048/20727240_2022_03_56 (in Russ.).

Entin L.M., Entin M.L. (Resp. eds.) *Evropeyskoe pravo. Osnovy integratsionnogo prava Evropeyskogo soyuza i Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza : uchebnik* [European Law. Fundamentals of the Integration Law of the European Union and the Eurasian Economic Union : textbook], Moscow, Norma, Infra-M, 2018, 528 p. (in Russ.).

Ginzburg Yu.V. *Evolutsiya form ekonomicheskoy integratsii na postsovetском prostranstve* [The Evolution of Forms of Economic Integration in the Post-Soviet Space], *Reformy i Parvo*, 2013, no. 3, pp. 9–12. (in Russ.).

Helfer L.R., Alter K.J., Guertzovich, M.F. Islands of Effective International Adjudication: Constructing an Intellectual Property Rule of Law in the Andean Community, *American Journal of International Law*, 2009, vol. 103, iss. 1, pp. 1–47. <https://doi.org/10.2307/20456720>

Jesse N.G., Williams K.P. *Identity and institutions: Conflict Reduction in Divided Societies*, Albany, NY, State Univ. of New York Press, 2012, 208 p.

Kapustin A.Ya. *Ponyatie, predmet, istochniki i sub'ekty prava mezhdunarodnykh organizatsiy* [The Concept, Subject, Sources and Subjects of the Law of International Organizations], *Galenskaya L.N., Entin M.L. (Eds.), Lektsii po aktual'nykh problemam mezhdunarodnogo i evropeyskogo prava*, St. Petersburg, Rossiya-Neva, 2004, pp. 113–156. (in Russ.).

Kapustin A.Ya. The Law of Eurasian Economic Union: International Legal Discourse, *Journal of Russian Law*, 2015, no. 11, pp. 59–69. (in Russ.).

Kashirina A.A., Morozov A.N. *Razvitiye evraziyskoy integratsii v kontekste protsessov globalizatsii i regionalizatsii* [The Development of Eurasian Integration in the Context of Globalization and Regionalization Processes], *International Law and International Organizations*, 2015, no. 2, pp. 231–245. <https://doi.org/10.7256/2226-6305.2015.2.14762> (in Russ.).

Kashkin S.Yu. (Resp. ed.) *Integratsionnoye pravosudie: sushchnost' i perspektivy: monografiya* [Integration Justice: the Essence and Prospects], Moscow, NORMA, INFRA-M, 2014, 110 p. (in Russ.).

Kembayev Zh.M. Regional Integration in Eurasia: The Main Features, Problems, and Prospects, *Russian Juridical Journal*, 2016, no. 2, pp. 32–45. (in Russ.).

Klabbers J. *An Introduction to International Institutional Law*, 3rd ed., Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2015, 424 p.

Korf D.V. *Tamozhennoye zakonodatel'stvo o strane proiskhozhdeniya tovarov* [Customs Legislation on the Country of Origin of Goods], *Reformy i parvo*, 2011, no. 1, pp. 12–22. (in Russ.).

Lisitsyn-Svetlanov A.G. (Gen. ed.) *Mekhanizm razresheniya sporov v regional'nykh integratsionnykh gruppirovka kha na primere Evropeyskogo soyuza, EAES, ASEAN, MERKOSUR, NAFTA i v GATT/VTO* [Dispute Resolution Mechanism in Regional Integration Groupings on the Example of the European Union, EAEU, ASEAN, MERCOSUR, NAFTA and GATT/WTO], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018, 406 p. (in Russ.).

Mikhaleva T.N., Berman A.M. Single Market of the Eurasian Economic Union: De jure, de facto, de lege ferenda, *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2023, no. 62, pp. 673–688. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2023-62-673-688> (in Russ.).

Neshataeva T.N. Eurasian Economic Union: Bodies, Practice, Law, *Journal of Russian Law*, 2023, vol. 23, no. 5, pp. 187–201. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.061> (in Russ.).

Ponomareva K.A. Supranational Legal Acts as a Basis of the Legal Regime of Profit and Income Taxation in the EU and the EAEU, *Financial Law*, 2018, no. 3, pp. 25–29. (in Russ.).

Savenkov A.N., Chayka K.L., Dyachenko E.B., Entin K.V. *Sud Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i stanovlenie prava EAES: monogr.* [The Court of the Eurasian Economic Union and the formation of the EAEU law: a monograph], Moscow, Prospekt, 2021, 352 p. (in Russ.).

Shinkaretskaya G. Court of the Eurasian Economic Community and the Customs Union, *International Justice*, 2012, no. 1, pp. 98–106. (in Russ.).

Sidorova E.Yu., Artemyev A.A. The System of Statutory Regulation in the Customs Taxation Sphere Applicable in Russia, *Economy and Law*, 2022, no. 9, pp. 106–120. <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2022-9-106-120> (in Russ.).

Sokolov A.Yu., Dekhtyar I.N. On the ECE Authorities to Apply Administrative Coercion Measures with Regard to Violations of Antimonopoly Laws, *Administrativnoe Pravo i Protsess*, 2019, no. 7, pp. 61–64. (in Russ.).

Sokolova A.N. Strengthening Regional Integration: The Influence of Courts, *Actual Problems of Russian Law*, 2016, no. 10(71), pp. 181–189. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.71.10.181-189> (in Russ.).

Tinbergen J. *International Economic Integration*, 2nd ed., rev., Amsterdam, Elsevier, 1954, 191 p.

Trunina E.V. Interpretative Acts of the Eurasian Economic Commission in the Context of Judicial Practice, *Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*, 2016, no. 4, pp. 62–70. (in Russ.).

Velyaminov G.M. *Mezhdunarodnoe pravo: opyty* [International Law: Experiments], Moscow, Statut, 2015, 1005 p. (in Russ.).

Yumashev Yu.M. *Vneshneekonomicheskie svyazi EES: pravovye aspekty : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk : 12.00.10* [External Economic Relations of the UES: Legal Aspects: Abstr. of diss.], Moscow, 1989, 41 p. (in Russ.).

Zakharova L.I. Impact of the Advisory Opinion of the Court of the Eurasian Economic Union of 7 December 2018 on the Work of Professional Athletes, *International Justice*, 2020, no. 1, pp. 97–106. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2020-1-97-106> (in Russ.).

Zamburlini I., Lorenzini S., Umberto T.U. (Eds.) *The Human Rights Breakthrough of the 1970s: The European Community and international relations*, London, New York, Bloomsbury Academic, 2021, 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Борисовна Дьяченко

Доктор юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, советник Председателя Суда ЕАЭС; г. Москва, Россия;
SPIN-код: 4762-3011;
E-mail: dyachenkoeb@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina B. Dyachenko

Doctor of Law, Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Advisor to the Chairman of the EAEU Court;
Moscow, Russia;
SPIN-code: 4762-3011;
E-mail: dyachenkoeb@gmail.com